

А.И. Цветаева

Московский звонарь

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 821, 78.03
ББК 85.315.3

*Печатается по тексту издания: «Моя Сибирь»,
Москва, «Советский писатель», 1988 г.*

А.И. Цветаева

Московский звонарь / А.И. Цветаева – М.: Книга по Требованию, 2014. – 122 с.

ISBN 978-5-518-99272-6

Повесть-воспоминание о Константине Константиновиче Сараджеве.

ISBN 978-5-518-99272-6

© А.И. Цветаева, наследники, 2014
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

А.И. Цветаева 1927 г.

ПРОЛОГ

В тихий вечер зимний в маленьком доме у Пречистенских ворот мы сидели за чаем в семье профессора Алексея Ивановича Алексеева в уютной столовой окнами на храм Христа Спасителя.

Алексея Ивановича я знала с детства. Ученик моего отца, тогда доцент, он бывал в нашем доме в Трехпрудном, помнил меня ребенком, и теперь, когда я, овдовев, с сыном-подростком билась за жизнь, он помогал мне с приработком. Служа в библиотеке Музея изобразительных искусств (при отце моем, его основателе — изящных искусств), я брала у Алексеева пачки библиотечных каталожных карточек, копировала их (чаще ночами). Алексей Иванович где-то заведовал библиотечным отделом.

Принеся работу, я засиделась за чаем — сын в школе в вечернюю смену, могу не спешить домой, — слушая рассказ Юлии Алексеевны, Юлечки, о знакомом их, обещавшем прийти.

— Вы не слышали известного дирижера Сараджева? Константин Соломонович — Котик — его сын от первого брака. Звонарь. Музыканты считают его гением. Котик Сараджев! Анастасия Ивановна, он может сейчас прийти, чтобы вы знали. А то вы не поймете. Ведь он особенный!

Взгляд томных больших глаз Юлечки полыхнул в спешку рассказа.

— Он с двух сторон из необыкновенных семей: по отцу — я сказала: талант по наследству. Он же с 7 лет — композитор! А мать — дочь Нила Федоровича Филатова, по детским болезням профессор, его имени — московская детская клиника. Мать давно умерла, он еще маленький был. Она, больная брюшным тифом, услыхала крик сына. Встала — и пошла. За стенки держалась, в жару. Но не дошла, упала. Потеряла сознание. Вскоре она умерла. Он похож на нее, хотя и на отца по-

хож, тоже что-то восточное. Вы сами увидите! Он заикается. Иногда — почти чисто говорит, а иногда — трудно! Но самое главное в нем — это гиперестезия слуха — спешила рассказчица.— Он слышит в октаве совершенно отчетливо — 170! звук. Он нам рисовал схему. Я ее найду, покажу вам! О своих «гармонизациях» рояльных (он их так зовет) он небрежно говорит. Он только колокола признает, Котик! Мы на днях собираемся его слушать — пойдемте с нами?

— А он как: аккомпанирует при церковной службе?

— Ну да, и он сердится, что в другие часы — нельзя... Он ведь чудной, Котик... Не понимает! В субботу пойдем, хорошо? А когда в каком-нибудь колоколе ему слышится, как он говорит, звук слишком прекрасный, он выпускает из рук все веревки колокольные, и... (слово «падает» пропало в звонке из передней — длинном, настойчивом; нет, не спешном, не нервном — настоятельном, как бы праздничном).

Вид на Красную Площадь. Конец XIX в.

ВСТРЕЧА

Радостно, как-то торжественно — зная ли, что ждут? — выходил из передней высокий, темноволосый, в аккуратной, темной, плотной рубашке, подпоясанной ремнем: одергивая полы (как это делают мальчики от застенчивости, тут — не так: не застенчиво, а — в некой веселой готовности — предстать). Карие огромные, по-восточному длинного разреза глаза сияли блеском темным и детским по силе открытости. Голос запинался:

— Я оп-поздал н-нем-м... — радостно прорвавшись, — много! Ппп-рости-те... — Кланялся, пожимая руки, смеялся.

(Пожалуй, красив! Волосы волнистые, длиннее положенного. Царь Федор Иоаннович, театральный какой-то!)

— Мой источник меня задержал — медленно, но словоохотливо пояснял нам вошедший, с веселой улыбкой сопровождая слова, — ему мои сказали — где-то я там «болтаюсь», поздно домой прихожу. Да! — Он вдруг оживился, очень.

— Я вч-ч... — слово не удавалось ему — вчера у Глиэра был! — Он обвел всех нас глазами, сияющими. — И мне выдадут разрешение от Наркомпроса — он развел руками широко и радостно — ск-колько н-на-до мне к-к-колоколов, в каких н-надо тональностях! Дооборудуют мне мою звонницу! Пожалуйста, — он провел рукой по воздуху, как бы перечисляя нас, — п-приходите вы тоже!

Юлечка усаживала гостя за стол, наливалась чай, придвигала хлеб, печенье, варенье.

— Кушайте, Котик!

Котик ел с большим аппетитом, продолжая рассказывать свои победы и приключения домашние.

Он ел весело, увлеченно, по-детски. Было удивительно наблюдать эту смесь горечи о непонятости и радости о победах, создававшую вокруг этого человека непривычную атмосферу, — ей трудно было подобрать эпитет.

Я рассматривала Котика со сложным чувством восхищения и жалости, смесью впечатлений, им даваемых. Как бы в зеркальном отражении той двойственности, в которой шагнул откуда-то в эту комнату к нам пришедший.

Но он вдруг остановил свой рассказ. Порывисто привстав, он трогал пальцем сахарницу.

— Удивительно! — вскричал он пораженно, как будто увидев друга.— Тип-личная сахарница в стиле До 112 бемолей!».— И он погладил ее, как гладят кота.

— Да! — спохватился он, извиняясь за то, что отвлекся — так я уж-же от-тобран один маленький колокол — один пуд и четыре фунта. Это на весах, старых — вроде бы застеснялся он — а другой — ну, этот побольше будет! — Он рассмеялся.— Еще не вешал его н-на весах, ну, думаю, пудов пять будет... Вы не представляете себе, какой звук! Эт-то, как говорится, божественный! В груди — холодок даже! Я — даже боюсь...

Москва. Конец XIX в.

такой звук! Ну, а еще — уже неподъемный! Только несколько человек его смогут поднять! Ре-ди-еэ!

Он отрезал себе серого хлеба и, намазывая на него слой варенья:

— Какой хлеб вкусный! Он свежий, да? Свежий! Я, впрочем, не обедал сегодня, не было времени! Когда человек не ел долго — так все ему вкусно кажется, да? Я — заметил...

Мать что-то сказала Юлечке, и та вышла. Но уже забыл Котик, что не обедал, плывя по волнам рассказа о наркомпросовских колоколах, потому что удивился, обрадовался вдруг, увидев глубокую тарелку супа в руках Юлечки. Она ставила ее на стол, придвигая ее, несла еще хлеба.

Котик возликовал, как дитя.

— Эт-то очень хороший суп, я вижу! — объявил он (должно быть стыдясь, что он один из присутствующих будет есть такое!). И, глубоко погрузив ложку в подправленное расти-

Москва. Конец XIX в.

тельным маслом и луком кушанье, стал молча наслаждаться едой. Взгляд его был опущен на тарелку — длинные, трепетно вздрагивающие веки; как бы выросший в наклоне нос и безусый рот — все это сейчас было жалобно. За минуту, при полыхавшем огне глаз, величавое, победное, красивое сменилось другим — незащищенностью...

Но мне было пора идти. Я встала. Он не заметил меня, ел. Юлечка вышла за мною в переднюю.

— Необыкновенный, да? — спросила она, прикрыв дверь.— Уникальный! Вы знаете — она остановилась перед предстяющей темой, но, превозмогая себя, как девушка современная — он же другой, чем все: у него есть пассия.— Она легко употребила уже отжившее слово, видно в семье употребляемое.— Она — балерина. Но это все — платонически! «Ми-бемоль» (сколько бемолей — забыла!). Он ей пишет письма, бывает у них. Понимает ли она в его колоколах — не знаю, но он ей посвящает свои «гармонизации» колокольные. Вы услышите, это как целый концерт! Музыка — удивительная!

Серьезное, мужественное, привлекательное лицо Юлечки поражало волевым началом. Филологию выбравшая, путь отца, она обещала многое в будущем.

— Довольно потрясающее впечатление — говорила я, одеваясь, не найдя иного слова.— Мне он знает кого напомнил? Не знает? Князя Мышкина!

— Правда? Ну, это вы... нет! Вы не думайте, он очень насмешливый: про сестер — «преподобные»; он — нелегкий дома, я думаю, самозащита! Озорство иногда даже! В Мышкине — не было! Отца, правда, очень любит!

— Сколько лет ему, Котику?

— Двадцать семь! Жаль, что уходит!

Обледенелые ступеньки, мороз, ветер. Я иду, спрятав нос в воротник. Сын, наверное, из школы вернулся, надо идти ско-